

*Глухой
Фоллиант 2*

Владимир Кожедеев

Глухой Фолиант. Мистика

Владимир Кожедеев

Глухой Фолиант 2

«Автор»

2026

Кожедеев В.

Глухой Фолиант 2 / В. Кожедеев — «Автор», 2026 — (Глухой Фолиант. Мистика)

В старом особняке на Загородном проспекте стоит библиотека, которая не просто хранит книги — она живёт своей жизнью. Здесь исчезают люди, фолианты меняют текст на глазах, а по ночам тени обретают плоть. Бывший детектив Лев Гордеев, хромой и усталый, берётся за расследование исчезновений и встречается Марину — библиотекаря с пепельными волосами и глазами, в которых затаилась бездна. Она последняя из рода Волковых, и библиотека считает её своей. Им помогают ветераны ВДВ, для которых братство дороже денег, инженер-наследник создателя механизма и даже бывший враг, осознавший, что лучше иметь друзей, чем врагов. Вместе они должны защитить спящий камень, найти его потерянные осколки и не дать древней силе вырваться на свободу. Это мистический детектив о цене бессмертия, о доме, который становится семьёй, о том, что настоящая сила не в магии, а в верности и любви. Грань между реальностью и вымыслом стирается, тени оживают, а читатель погружается в мир, где каждый шаг может стать последним...

© Кожедеев В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	12
Глава 4.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Кожедеев

Глухой Фолиант 2

Глава 1.

Три жизни после бури.

Год спустя. Город привык к тишине старого особняка. Привык настолько, что перестал замечать. Табличка «На реконструкции» обветшала, но её никто не срывал. Местные жители, проходя мимо, видели лишь спокойное, тёмное здание с редким светом в окнах второго этажа. Легенды ушли в прошлое, сменившись равнодушием обыденности.

Лев Гордеев. Кабинет на Лиговке.

Он вернулся к частной практике. Не потому, что нуждался в деньгах – наследство Свешниковых, легализованное через фонд, позволяло не работать вообще. Но без дела его руки начинали дрожать, а мысли – возвращаться к тёмным залам и пульсирующему камню. Работа была якорем.

Кабинет он снял новый – светлый, на втором этаже старого доходного дома, с окнами на оживлённую улицу. Никаких намёков на мистику: стол, стул, ноутбук, диван для клиентов. Трость стояла в углу – он больше не хромал, но иногда носил её с собой, как талисман. Клиентура была обычной: пропавшие собаки, супружеские измены, проверка нянь. Он брал такие дела без раздражения. Ему нравилась их простота. Там, где нет мистики, всё решаемо.

Но иногда, когда звонил телефон и голос в трубке начинал рассказывать о «странных совпадениях» или «документах, которые сами меняются», он вежливо отказывался. Рекомендовал других детективов. Его грань с иным миром была пройдена, и возвращаться туда без нужды он не хотел.

По вечерам, закрыв кабинет, он шёл в сторону особняка. Не спеша, через парк. Марина ждала его к ужину. Они научились простой семейной рутине: он приносил продукты, она готовила, они ели на маленькой кухне, обсуждая его дела (она любила слушать про «обычных людей») и её наблюдения за библиотекой. Она больше не называла себя Хранительницей. Только «смотрительницей». Иногда, после ужина, они спускались в машинную залу, проверяли показания приборов, слушали ровный гул насоса. Это стало их ритуалом.

Марина Веснина. Библиотека без голода.

Работа Марины в библиотеке изменилась до неузнаваемости. Раньше она была прислужницей хищника. Теперь она стала архивариусом мёртвого архива. Она приводила в порядок каталоги, которые десятилетиями никто не трогал. Протирала пыль (Степан помогал, но его активность снизилась до минимума – он стал почти невидимкой). Искала способ описать коллекцию так, чтобы однажды, если система проснётся, у человечества было руководство по обращению с ней.

Самым сложным было отношение к портретам в галерее. Она больше не чувствовала от них ужаса, но видела в их глазах застывшую печаль. Иногда она разговаривала с ними – не как с духами, а как с немymi свидетелями. Рассказывала им новости из внешнего мира. О том, что снег растаял. Что на рынке появилась дешёвая клубника. Что в городе открылся новый кинотеатр. Ей хотелось верить, что где-то в глубине их замкнутого сознания эти слова отзываются теплом.

Она завела дневник, куда записывала свои наблюдения, но теперь это были не мистические откровения, а метеорологические и психологические заметки: «Сегодня в западном крыле температура на полградуса ниже. Тени успокоились. Мне кажется, или старый каталогиче-

затвор (портрет № 17) стал выглядеть менее напряжённым?». Лев подшучивал над ней, называя «смотрительницей музея одного экспоната». Она не обижалась. Она знала, что он понимает.

По вторникам она ходила в гости к Артёму.

Артём Свешников. Мастерская «Наследие».

Он снял помещение в полуподвале старого здания, через два квартала от библиотеки. Вывеска гласила: «Мастерская точной механики и реставрации «Наследие». Для соседей он был чудаковатым инженером, который возится со старыми часами, приборами и непонятными чертежами.

На самом деле его мастерская стала лабораторией по изучению наследия Павла Свешникова и камня Чинтамани. Он разложил всё по полочкам: фрагменты чертежей, записи Волкова, данные с датчиков за год наблюдений, копии древних текстов о камне, которые находил в интернете и букинистических магазинах.

Его дни были заполнены кропотливой работой. Утром – заказ от реальных клиентов: починить антикварный барометр, восстановить ходики прадедушки. Днём – погружение в тему. Он создал цифровую базу всех упоминаний о Чинтамани в открытых источниках, начиная с тибетских текстов и заканчивая отчётами геологических экспедиций XIX века. Связался через защищённые каналы с несколькими исследователями в Европе и Индии, которые занимались смежными темами. Представился «независимым историком техники».

По вечерам к нему часто заходили Лев и Марина. Эти встречи стали их неформальным «научным советом». Свешников раскладывал распечатки, показывал новые находки, строил гипотезы.

– Смотрите, – говорил он, водя пальцем по древней гравюре, изображающей странный кристалл. – Здесь описаны «слёзы богов», которые «исполняют желания, но оставляют пустоту». И рядом – символ, похожий на наш «узел». Возможно, Павел был не первым, кто пытался обуздать камень. Он нашёл древние чертежи и адаптировал их.

– И что ты хочешь найти? – спрашивал Лев. – Способ разбудить его?

– Нет. Способ понять его природу. Чтобы, если когда-нибудь он проснётся сам, мы знали, что делать. И чтобы никому больше не пришло в голову строить такие машины. Это как с ядерной физикой. Мы должны знать, как это работает, чтобы предотвратить Чернобыль.

Иногда его гипотезы становились слишком смелыми. Он предполагал, что камень Чинтамани – не просто артефакт, а своего рода приёмник и передатчик коллективного бессознательного, который может настраиваться на разные частоты в зависимости от формы «клетки», в которую его помещают. Библиотека Волкова была одной из таких клеток, настроенной на хищничество. Но теоретически можно создать другую – настроенную на исцеление, на освобождение.

– Представьте, – говорил он, загораясь, – если мы сможем построить «зеркальный Глухой Фолиант», не усыпляющий, а пробуждающий к правильной жизни. Мы сможем не просто блокировать портреты, а вытащить из них те души, которые ещё можно спасти. Вернуть их в реальность. Или хотя бы дать им покой.

Марина слушала это с надеждой и страхом. Надеждой – потому что мечтала освободить тех, кто был вписан. Страхом – потому что любое вмешательство могло разбудить спящий камень.

Лев относился к идеям Свешникова с практичным скептицизмом, но не отвергал их. Он понимал, что они – единственные, кто знает об этой проблеме достаточно, чтобы однажды, если понадобится, действовать. Их задача – не геройствовать, а быть готовыми.

Так и текла их новая жизнь. Три человека, связанных общей тайной, жили обычной жизнью, но всегда на расстоянии вытянутой руки от спящего чуда. Детектив на Лиговке, смотрительница в старом особняке, инженер в подвальной мастерской. Они встречались, пили чай,

обсуждали новости, иногда спорили. И каждый вечер, расходясь по домам, бросали взгляд на тёмные окна библиотеки. Камень спал. Насос гудел ровно. Тени не тревожили.

Это было мирное время. И никто не знал, сколько оно продлится. Но они были готовы ко всему. Их союз, выкованный в огне кошмара, стал нерушимым. Они стали не просто людьми, пережившими общее. Они стали стражей на границе миров, тихой, незаметной, но вечной.

Где-то глубоко в интернет-архивах, на форумах любителей древностей, мелькал никнейм «Artham_Sveshnikov», оставляющий загадочные комментарии под статьями о необъяснимых артефактах. Где-то на Лиговке детектив Гордеев отказывал очередному клиенту с «мистической» историей, советуя обратиться к психиатру. А где-то в старом особняке женщина с серыми глазами гладила корешок книги и шептала: «Спите. Всё хорошо. Мы здесь».

Спящий дракон не просыпался. Но он дышал. И три хранителя его сна продолжали свою вахту, зная, что однажды, возможно, им снова придётся вступить в бой. А пока – просто жили. И это было их главной победой.

Всё началось с обычного вечера в мастерской Артёма. Лев и Марина зашли, как часто делали по четвергам, чтобы обсудить новости и выпить чаю. Но в этот раз Артём встретил их с таким лицом, что Лев сразу понял: случилось нечто большее, чем очередная находка в интернет-архивах.

– Я нашёл его, – без предисловий сказал Артём, жестом приглашая к столу, заваленному распечатками. – Не сам камень. Но след. Самый настоящий след.

Он развернул перед ними ноутбук. На экране была фотография странного предмета – тёмно-синего, с внутренним мерцанием, размером с крупную оливку. Рядом лежала монета для масштаба.

– Это часть Чинтамани. Фрагмент. Не тот, что в нашем «Сердце», но из того же кристалла. Судя по всему, камень когда-то раскололся. Основная часть осталась у Волкова, но осколки разлетелись по миру. Один из них всплыл в Индии.

Лев присвистнул. Марина подошла ближе, вглядываясь в изображение. Даже на фотографии камень казался живым – его глубокая синева словно пульсировала.

– Откуда он? – спросила она тихо.

– У коллекционера. Некогого господина Шармы в Дели. Он собирает артефакты, связанные с тибетским и индуистским мистицизмом. У него целый частный музей. Я вышел на него через европейских исследователей, с которыми переписываюсь. Он согласен продать. Запросил сумму, которая... – Артём назвал цифру.

Лев снова присвистнул, на этот громче.

– Это почти всё, что у нас осталось от «золотого запаса».

– Знаю. – Артём посмотрел на них с такой надеждой, какой они у него ещё не видели. – Но это шанс. Понимаете? Изучая один спящий камень, мы можем только гадать. Если у нас будет два фрагмента, мы сможем сравнивать. Проверять резонансы. Возможно, понять природу их связи. И если когда-нибудь наш камень начнёт просыпаться, мы будем знать, что делать.

– Или если кто-то другой найдёт способ его разбудить, – добавил Лев мрачно.

– Или это, – согласился Артём. – В любом случае, оставлять такой фрагмент у случайного коллекционера опасно. Он может продать его кому попало. Или, того хуже, начать экспериментировать.

Марина молчала, глядя на фотографию. В её глазах отражалась борьба – страх перед всем, что связано с камнем, и понимание правоты Артёма.

– Ты хочешь ехать сам? – спросила она наконец.

– Да. Но не один. Я не настолько безумен. – Артём перевёл взгляд на Льва. – Ты мне нужен. Ты видел работу системы изнутри. У тебя «нейтральный резонансный профиль», как

сказал бы мой прапрадед. Если с камнем что-то пойдёт не так, ты сможешь это почувствовать раньше приборов. И у тебя есть... чутьё на опасность. Детективное.

Лев задумался. Его нога, давно не беспокоившая, вдруг заняла – старая память о прошлых приключениях. Он посмотрел на Марину. Она слегка кивнула – не с радостью, но с пониманием.

– Финансово я потяну один билет, – продолжил Артём. – Но второй... и сам выкуп...

– Фонд поможет, – сказал Лев. – Мы не для того копили червонцы, чтобы они лежали мёртвым грузом. Часть обменяем через Михалыча, часть оставим на случай, если библиотеке что-то понадобится. Марина, ты как?

– Я останусь здесь, – твёрдо сказала она. – Кто-то должен следить за спящим. И если вы оба уедете... я буду спокойнее, зная, что дом под присмотром.

Она подошла к Льву и взяла его за руку. В её глазах была тревога, но и гордость.

– Только обещай вернуться.

– Обещаю, – сказал он, и впервые за долгое время его голос звучал не как у уставшего детектива, а как у человека, готового к новому делу.

Подготовка заняла две недели. Червонцы, прошедшие через руки Михалыча, превратились в валюту, легально переведённую на счёт индийской компании-посредника. Билеты были куплены. Гостиница в Дели забронирована. Артём собрал чемодан с аппаратурой – спектрометр, частотомеры, защищённый ноутбук. Лев взял только самое необходимое: смену одежды, старый детективный жетон на всякий случай и, после недолгих колебаний, трость. Не для ходьбы – для уверенности.

Накануне отъезда они втроём сидели на кухне Марины. За окном шумел вечерний город. Особняк за их спинами молчал, погружённый в свой спокойный, ровный сон.

– Вы знаете, – сказал Артём, глядя в чашку с чаем, – мой прапрадед строил свою теорию, не имея возможности путешествовать. Он мечтал найти другие фрагменты, понять, откуда пришёл камень. А у нас есть шанс. Мы едем не просто за артефактом. Мы едем за ответами.

– Или за новыми вопросами, – усмехнулся Лев. – В моём опыте, чем больше ответов, тем больше новых загадок.

– Это и есть жизнь, – тихо сказала Марина. – Особенно наша.

Они помолчали. В этом молчании было всё: и страх перед неизвестностью, и надежда на открытие, и тёплая уверенность, что их маленький союз – лучшее, что могло случиться с каждым из них после всего пережитого.

На следующее утро такси ждало у ворот библиотеки. Лев и Артём погрузили вещи. Марина стояла на крыльце, закутанная в плащ, и махала им рукой, пока машина не скрылась за поворотом.

Она вернулась в особняк, прошла в машинную залу и положила ладонь на тёплый чугун насоса.

– Ну, – прошептала она, обращаясь к спящему камню где-то наверху, в ротонде. – Они уехали искать твоего брата. Будем надеяться, что это к лучшему.

Насос гудел ровно. Тени в углах не шевелились. Библиотека спала. А где-то в самолёте, летящем на восток, двое мужчин смотрели в иллюминатор на уходящую вниз землю. Впереди была Индия. Впереди был осколок древней тайны. И, возможно, новые ответы на старые вопросы.

Их приключение только начиналось.

Глава 2.

Марина. Тишина ожидания.

Первый день после отъезда Льва и Артёма тянулся бесконечно.

Марина проснулась рано, как всегда, но в пустой квартире на втором этаже было непривычно тихо. Не той особой, библиотечной тишиной, к которой она привыкла за годы, а тишиной отсутствия. На кухне стояла чашка, из которой Лев пил чай перед отъездом. Она долго смотрела на неё, прежде чем убрать в шкаф.

Она заставила себя заняться делами. Обход первого этажа, проверка температуры в западном крыле, влажность в Фонде особых коллекций. Степан, невидимый, но ощутимый, сопровождал её – его присутствие чувствовалось в лёгком сквозняке и чуть сдвинутой занавеске. Она поймала себя на том, что разговаривает с ним вслух.

– Ты тоже скучаешь по гостям? – спросила она, протирая пыль с подоконника. Степан не ответил, но пыль легла чуть иначе, чем должна была. Она восприняла это как «да».

В машинной зале всё было в порядке. Насос гудел ровно, манометры показывали стабильное давление. Она постояла, приложив руку к тёплому чугуну, и попыталась почувствовать камень наверху. Спящий, ровный, без пульсации. Хорошо.

Днём она попыталась читать, но строчки расплывались. Мысли всё время улетали в Индию, туда, где сейчас двое её близких людей вели переговоры с коллекционером. Она представила себе жаркий, многолюдный Дели, запах специй, шум улиц – и вздрогнула. Её мир был тихим, холодным, книжным. Она не представляла, как можно существовать в такой суете.

Вечером, когда солнце село, она поднялась в ротонду. Спящее «Сердце» было тёмным и безжизненным, но она знала – внутри дремлет сила, способная менять реальность. Она села в кресло, которое когда-то принадлежало Волкову, и закрыла глаза.

В её голове снова и снова прокручивались события последних лет. Как она пришла к Гордееву, испуганная и потерянная. Как он ворвался в библиотеку, рискуя собой. Как они вместе спускались в машинную залу, чистили насос, настраивали частоты. Как он смотрел на неё в те ночи, когда она просыпалась от кошмаров. Как её рука нашла его руку в темноте.

Сейчас он был далеко. И это было правильно. Она знала, что его место – там, где нужен его опыт и его чутьё. Но внутри всё равно ныла тупая, глухая боль.

– Глупая, – сказала она себе вслух. – Он вернётся. Они оба вернутся. И привезут этот камень.

Но голос эхом отразился от стен ротонды, и ей показалось, что где-то в глубине здания, в галерее портретов, кто-то вздохнул в ответ. Старые хранители, запертые в своих холстах, словно напоминали: они тоже когда-то ждали. И не дождались.

Марина встала и подошла к окну. Внизу, за тёмной оградой, горели огни города. Где-то там, в аэропорту, сидел самолёт, уносивший Льва и Артёма всё дальше. Она положила ладонь на холодное стекло.

– Я буду здесь, – прошептала она. – Я буду сторожить. Возвращайтесь.

Ночь опустилась на особняк. Марина спустилась в свою квартиру, включила свет, сварила себе чай. Она взяла книгу – не из библиотечного фонда, а обычный детектив, купленный в киоске – и попыталась читать. На первой странице было написано: «Частный сыщик взялся за дело, которое показалось ему простым...». Она усмехнулась и отложила книгу. Жизнь, которую они прожили, была куда интереснее любой выдумки.

Перед сном она снова обошла первый этаж. Всё было спокойно. Степан, кажется, задремал в своём углу. Тени лежали ровно. Гул насоса доносился из подвала ровный, убаюкивающий.

Она легла в постель, на ту сторону, где обычно спал Лев, и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Она продолжит уборку, проверку, наблюдение. Будет ждать вестей. А пока – тишина и сон. Спокойной ночи, библиотека. Спокойной ночи, любимый. Возвращайся.

Неделя после отъезда Льва и Артёма стала для Марины временем неожиданных открытий. Она думала, что будет тосковать, считать дни до их возвращения, но вместо этого в ней начало прорасти что-то новое – странное, пугающее и одновременно освобождающее чувство.

Одиночество как зеркало.

Впервые за долгие годы она осталась в особняке по-настоящему одна. Раньше, даже когда Лев уходил по делам, она знала, что он вернётся к вечеру. Теперь его не было, и тишина стала иной – более плотной, более глубокой. Но, к своему удивлению, Марина не провалилась в неё, как боялась. Она начала в этой тишине слышать себя.

Раньше её внутренний голос был заглушён гулом библиотеки, чужими шёпотами, страхом, а потом – присутствием Льва, его надёжным, тёплым плечом рядом. Теперь, в пустоте, её собственные мысли зазвучали отчётливо.

Она сидела в своей маленькой гостиной, пила чай и вдруг поймала себя на том, что думает о будущем. Не о библиотеке, не о камне, не о проклятии – о себе. О том, какой она станет через год, через пять лет. Захочет ли она всегда жить в этом особняке? Захочет ли иметь детей? В её возрасте ещё не поздно, но возможно ли это с мужчиной, чья жизнь – вечное расследование границ реальности?

Эти мысли были такими обычными, такими человеческими, что она расплакалась. Не от горя – от облегчения. Она снова могла думать о простых вещах.

Степан и диалог с невидимым.

На третий день после отъезда Льва произошло нечто странное. Марина убирала в кабинете Волкова – комнате, куда раньше боялась заходить без крайней нужды. Теперь она чувствовала себя здесь спокойно. Протирая пыль с тяжёлого дубового стола, она вдруг услышала отчётливый скрип половицы за спиной.

Она обернулась. Никого. Но на столе, там, где секунду назад ничего не было, лежал засохший цветок – бархатец, из тех, что росли в палисаднике у входа.

– Степан? – тихо спросила она.

Тишина. Но тишина живая, внимательная.

– Ты хочешь мне что-то сказать?

В ответ скрипнула другая половица – дальше, у двери. Марина улыбнулась. Старый домо-вой, хранитель порядка, пытался с ней общаться. Она взяла цветок, понюхала его. Он пах пылью и почему-то ванилью.

С этого дня она начала разговаривать со Степаном вслух. Рассказывала ему о своих мыслях, о планах, о Льве. Иногда, в ответ, в доме что-то тихо щёлкало, скрипело, шелестело. Он слушал. Он был её единственным собеседником в долгие вечера, и это странное общение с незримым существом давало ей чувство, что она не одна.

Портреты и эмпатия.

На пятый день она решилась на то, что откладывала долгие месяцы. Она вошла в галерею портретов не для быстрого прохода, а чтобы посмотреть. По-настоящему посмотреть в глаза тем, кто был вписан в систему.

Она останавливалась у каждого, читала таблички. Молодой поэт, Алексей Семёнов – его глаза были полны меланхоличной задумчивости, как будто он всё ещё сочинял строки где-то внутри своей застывшей реальности. Женщина в платье начала XX века, Вера Волконская – в её взгляде читалась тоска по несбывшейся любви. Старик с острым профилем, Павел Свешников – его портрет был пуст, но сама рама, казалось, вибрировала от сдерживаемой мысли.

Марина подошла к пустой раме Павла и заговорила:

– Я знаю, вы здесь. Вы слышите меня. Ваш потомок, Артём, уехал искать осколок камня. Мы пытаемся понять. Мы пытаемся найти способ освободить вас. Всех вас.

Ей показалось, или в воздухе действительно прошла лёгкая рябь, как от теплового удара?

Она переходила от портрета к портрету, и с каждым разговаривала. Рассказывала им новости внешнего мира, читала стихи, иногда просто молчала, глядя в их застывшие лица. И постепенно она начала чувствовать их. Не слышать голоса – это осталось в прошлом, – а ощущать эмоциональный фон. У одного портрета было холодно, у другого – тепло, у третьего – щемящая грусть.

Она поняла, что стала для них чем-то вроде медиума тишины. Она не могла освободить их, но могла быть мостом к миру, который они потеряли. И в этом было странное утешение – и для неё, и, возможно, для них.

Телефонный звонок.

Вечером шестого дня зазвонил её старый, дисковый телефон. Она подскочила, роняя книгу. Это мог быть только один человек.

– Алло?

– Привет, – голос Льва был далёким, с помехами, но таким родным. – Мы на месте. Дели безумный. Жара, люди, коровы на улицах. Артём уже который час спорит с коллекционером о подлинности.

Она рассмеялась – впервые за неделю.

– Как ты? – спросил он, и в его голосе была та особая интонация, которую она научилась различать: беспокойство о ней.

– Я в порядке. Правда. Даже странно. Библиотека спокойна. Я разговариваю со Степаном.

– С кем?

– С домовым. Помнишь, я рассказывала? Он приносит мне цветы.

В трубке повисло молчание. Потом Лев сказал:

– Ты только не сходи с ума без нас.

– Не сойду. Я, кажется, начала находить себя. Здесь, в тишине. Это важно.

– Я рад. Но всё равно скучаю.

– Я тоже. Очень. Привозите камень и возвращайтесь.

Она положила трубку и долго сидела, глядя на телефон. Где-то там, за тысячи километров, её любимый человек спорил с индийским коллекционером о древнем артефакте. А здесь, в старом особняке, она училась жить заново.

Ночной разговор с камнем.

Перед сном Марина поднялась в ротонду. Спящее «Сердце» было тёмным и безмолвным. Она подошла к нему вплотную и положила ладонь на холодный металл.

– Я знаю, ты там, – тихо сказала она. – Ты спишь. Но ты слышишь. Твоя часть, твой брат, возможно, скоро будет здесь. Я не знаю, что это изменит. Но я хочу, чтобы ты знал: мы не враги. Мы просто хотим понять. И, может быть, однажды мы сможем жить в мире. Ты – своей силой, мы – своей слабостью. Без страха. Без голода.

Камень не ответил. Но Марине показалось, что тьма внутри него стала чуть мягче, чуть спокойнее. Или это просто игра света?

Она спустилась в свою квартиру, легла в постель и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Она продолжит разговаривать с портретами, пить чай со Степаном, ждать вестей. И в этом ожидании, в этой тихой, осознанной жизни она находила не слабость, а силу. Силу быть собой – не Хранительницей, не жрицей, не пленницей. Просто Мариной Весниной, женщиной, которая любит, ждёт и учится жить в мире, где реальность и чудо переплелись навсегда.

Глава 3.

Охотники за тенью.

Дели встретил их плотной стеной влажного жара, гулом клаксонов и запахом пряностей, перемешанным с выхлопными газами. Лев, привыкший к питерской сырости и тишине своего кабинета, чувствовал себя рыбой, выброшенной на раскалённый песок. Артём, наоборот, ожил – глаза горели, он то и дело хватался за телефон, сверяясь с картами и сообщениями от посредника.

Гостиница оказалась маленьким отелем в старом городе, с верандой, увитой бугенвиллеей, и вечно спящими слугами. Они сняли два номера, но большую часть времени проводили в общем холле, обложившись распечатками и ноутбуками. Встреча с коллекционером Шармой была назначена через два дня.

На второй день, когда они вернулись с рынка, где Артём искал какой-то редкий травяной сбор для очистки артефактов, их ждал сюрприз.

В холле, в кресле напротив их столика, сидел человек. Европейец, лет пятидесяти, с аккуратной седой бородкой и глазами цвета балтийской воды – холодными, внимательными, изучающими. На столике перед ним стояла чашка чая, которую он даже не пригубил.

Лев узнал его сразу. По осанке. По манере держать спину, не касаясь спинки кресла. По взгляду, который сканирует, а не смотрит.

– Артём Геннадьевич, Лев Сергеевич, – человек говорил по-русски чисто, с едва уловимым акцентом. – Присаживайтесь. Нам нужно поговорить.

Лев положил руку на плечо Артёма, останавливая его порыв возмущаться.

– Кто вы? – спросил он спокойно, садясь напротив.

– Можете называть меня Виктор. Я представляю организацию, которая давно интересуется тем, что вы называете «камнем Чинтамани». И, смею заметить, мы располагаем несколько большими ресурсами, чем ваш маленький фонд.

Он выложил на стол фотографию. На ней был тот же осколок, что показывал Артём, но в другой обстановке – на бархатной подушке, в окружении каких-то ритуальных предметов.

– Господин Шарма – наш давний информатор, – продолжил Виктор. – Он сообщил нам о вашем интересе. Мы могли бы просто перекупить камень. Но нам стало любопытно. Кто ещё охотится за наследием Волкова? И мы навели справки. Библиотека в Петербурге. Серия странных событий. Исчезновения, которые вдруг прекратились. И вы, Артём Геннадьевич, потомок человека, который создал эту машину. И вы, Лев Сергеевич, детектив, который расследовал это дело и.. выжил. Очень интересная компания.

Лев молчал, изучая собеседника. Артём не выдержал:

– Что вам нужно?

– Предложение. Мы знаем, что основной камень у вас. Он спит, мы это выяснили. Наши приборы фиксируют нулевую активность. Вы каким-то образом его усыпили. Это впечатляет. Но нам нужен этот осколок не для того, чтобы разбудить его. Нам нужно его изучить. Понять природу. Возможно, найти способ использовать его энергию без тех ужасных последствий, которые создал Волков.

– Использовать? – переспросил Лев. – Для чего?

Виктор чуть улыбнулся, но глаза остались холодными.

– Мир меняется, господа. Появляются технологии, которые раньше казались магией. Квантовые вычисления, нейросети, интерфейсы мозг-компьютер. Камень Чинтамани – это, если хотите, природный квантовый процессор, работающий с самой тканью реальности. Мы хотим понять принцип. Не повторять ошибок Волкова. Создать безопасную технологию.

– А если мы откажемся? – спросил Лев.

Виктор пожал плечами.

– Тогда мы купим камень сами. Шарма продаст тому, кто больше заплатит. А у нас, поверьте, ресурсов больше. Но тогда вы останетесь не у дел. А ваш спящий камень в Петербурге будет под угрозой – потому что мы не знаем, кому ещё осколок может быть интересен. Конкуренты у нас есть. И некоторые из них менее... этичны.

Он встал, поправил пиджак.

– Подумайте. До встречи с Шармой два дня. Мой номер у портье. – Он кивнул и вышел, оставив после себя запах дорогого одеколона и сосущую тревогу.

Другая сторона. Калькутта, той же ночью.

В отличие от Дели, Калькутта дышала сыростью и древностью. В районе Калигхат, в тени знаменитого храма богини Кали, стоял старый особняк, принадлежавший одной семье уже двести лет. Сейчас в нём жил Раджив Сингх, последний наследник древнего рода, который когда-то, по семейным легендам, владел частью камня Чинтамани, утерянной во время восстания сипаев.

Радживу было сорок три. Он был успешным бизнесменом, владельцем сети отелей, но главной страстью его жизни оставалась охота за наследием предков. Он собирал всё, что связано с камнем – документы, слухи, артефакты. И он знал о существовании осколка у Шармы задолго до того, как Артём вышел на него.

Но в отличие от Виктора, Раджив не хотел изучать камень. Он хотел его воссоединить.

– Смотри, – говорил он своему помощнику, молодому человеку по имени Ашвин, разворачивая древнюю карту на столе. – Здесь, в России, в Петербурге, находится основная часть. Наш осколок – вот здесь, в Дели. Есть ещё один, в Европе, но его след потерян. Но если мы получим этот, мы сможем найти путь к главному. Ритуал воссоединения описан в этих свитках.

Он указал на пожелтевшие листы, покрытые санскритом.

– Когда две части встречаются, они начинают резонировать. Они притягивают третью. А когда камень станет целым... – его глаза загорелись фанатичным огнём. – Мы сможем говорить с богами. Мы сможем изменить мир. Очистить его от скверны. Сделать таким, каким он был задуман.

Ашвин, привыкший к экзальтации хозяина, осторожно заметил:

– Но там, в Дели, уже есть покупатели. Европейец из организации, о которой мы знаем. И двое русских. Один из них – потомок инженера, который строил хранилище для камня в Петербурге.

Раджив усмехнулся.

– Русские нам не помеха. Они хотят понять. Европейцы хотят использовать. А мы хотим восстановить священное. Наша цель выше. И мы добьёмся её, чего бы это ни стоило.

Он повернулся к окну, за которым шумел ночной город.

– Готовь людей. Мы вылетаем в Дели завтра. И пусть никто не встанет у нас на пути.

Дели. Отель «Гранд». Утро следующего дня.

Лев и Артём почти не спали. Ситуация осложнялась с каждой минутой. Виктор со своей организацией – это было плохо, но предсказуемо. Они знали, что за камнем охотятся многие. Но утром их ждал новый сюрприз.

За завтраком к ним подошёл слуга и вручил конверт без марки. Внутри была визитка с именем «Раджив Сингх» и номером люкса в этом же отеле. И приписка от руки: «Господа, я здесь по тому же делу. Предлагаю встретиться до того, как это сделают другие. Ваш сосед сверху».

Лев посмотрел на Артёма.

– Кажется, мы вляпались в аукцион, где товар один, а покупателей – трое. И двое из них, судя по всему, очень серьёзные игроки.

– Что будем делать? – спросил Артём, впервые за всю поездку выглядя по-настоящему растерянным.

– Для начала – встретимся с этим Сингхом. Узнаем, чего хочет он. А потом решим, с кем из них, если вообще с кем-то, мы можем объединиться против остальных. Потому что в одиночку, с нашими скромными возможностями, мы этот аукцион не выиграем.

Он допил кофе и встал, опираясь на трость – старый друг, вернувшийся в его жизнь в этом путешествии.

– Пошли знакомиться с соседом. Интуиция подсказывает мне, что самое интересное только начинается.

Они вышли в холл, направляясь к лифту. За ними, из-за колонны, наблюдали двое – человек Виктора и человек Раджива. Игра началась. И ставка в ней была выше, чем просто осколок древнего камня. На кону было будущее спящего дракона в Петербурге. И, возможно, не только его.

Встреча с Радживом Сингхом состоялась в его люксе спустя час. Индеец оказался человеком лет сорока с лишним, с пронзительными глазами и манерами аристократа старой школы. На столике в гостиной были разложены фотографии и документы, но главное – на бархатной подушке лежала копия осколка, выполненная с ювелирной точностью.

– Господа, – начал Раджив без предисловий, – я знаю, что за одним столом с нами охотится Виктор. Знаю, что у вас есть главный камень в Петербурге. И знаю то, чего не знает никто из вас – подлинную историю того, как осколок оказался у Шармы.

Лев и Артём переглянулись. Артём осторожно спросил:

– Вы хотите сказать, что знаете Шарму?

Раджив усмехнулся.

– Шарма – не просто коллекционер. Он – потомок древнего рода брахманов из Натхадвары, священного города в Раджастане. Его семья веками служила хранителем одного из осколков камня Чинтамани, но никто за пределами рода не знал об этом. Сам Шарма стал художником, писал портреты паломников, но в его мастерской, в тайной нише, всегда хранилась шкатулка с камнем. Он получил её от отца, тот – от деда. Так семь поколений.

Как камень попал в семью Шармы

Раджив развернул перед ними старинную карту Индии и ветхий манускрипт на санскрите.

– В XVI веке, во времена императора Акбара, Великие Моголы охотились за любыми упоминаниями о Чинтамани. Акбар, как вы знаете, владел камнем, но это был другой фрагмент – тот, что позже оказался в России у Волкова. Однако при дворе Акбара служил брахман-советник, который знал тайну: существует второй осколок, спрятанный в храме Натхадвары. Акбар, будучи мудрым правителем, не стал забирать святыню силой. Он заключил договор с хранителями: камень остаётся у них, но они обязаны беречь его и никому не передавать, пока не наступит время воссоединения.

Артём нахмурился:

– Время воссоединения? Что это значит?

– По легенде, – продолжил Раджив, – камень Чинтамани изначально был единым целым. В глубокой древности, когда его принесли на Землю из созвездия Орион, он раскололся на несколько частей. Одни говорят – на три, другие – на четыре. Главная часть хранится в Башне Шамбалы в Гималаях, но осколки были разбросаны по миру, чтобы в определённые эпохи появляться в ключевых точках планеты, создавая новые центры цивилизации. Один такой осколок оказался в Индии, другой – в Тибете, третий – в Европе. Тот, что сейчас у Шармы, веками хранился в Натхадваре.

Решение Шармы продать камень

– Почему же он решил продать его теперь? – спросил Лев.

Раджив помрачнел.

– Два года назад Шарме приснился сон. Ему явился крылатый конь Лунгта – тот самый, что, по легенде, принёс камень на Землю. Конь сказал: "Время пришло. Камень должен отправиться на север, туда, где спит его брат". Шарма проснулся в холодном поту. Он понял, что камень больше не должен оставаться у него. Но он не знал, кому передать святыню. Он начал искать информацию о других осколках и вышел на след вашей библиотеки в Петербурге.

Артём подался вперёд:

– Он знает о нашем камне?

– Он знает, что где-то в России хранится основной фрагмент. Но не знает, что он усыплен и что вы – его хранители. Когда я вышел на Шарму через общих знакомых, он рассказал мне эту историю. И тогда я понял, что должен вмешаться. Потому что, если камень попадёт к Виктору и его организации, они начнут эксперименты. Они захотят разбудить его силу, не понимая, к чему это приведёт.

Лев внимательно посмотрел на индийца:

– А вы, господин Сингх? Чего хотите вы?

Раджив выдержал его взгляд.

– Я хочу, чтобы камень воссоединился. Не для того, чтобы использовать его силу, а чтобы выполнить древнее пророчество. Моя семья, как и семья Шармы, веками хранила знание о камне. Мы верим, что, когда осколки сойдутся в одном месте, они откроют путь к Шамбале. Не к физической стране, а к состоянию сознания, к новому уровню понимания мира. Это не оружие, господа. Это – ключ.

Виктор и его сеть

– А Виктор? – спросил Артём. – Кто он на самом деле?

Раджив достал из папки фотографию европейца.

– Виктор представляет организацию, которая называет себя "Наследие Ориона". Они изучают артефакты внеземного происхождения уже полвека. У них есть лаборатории в Швейцарии, базы данных по всем известным фрагментам камня, связи в правительствах и корпорациях. Они не злые, если вы это имеете в виду. Они – учёные. Но они хотят контроля. Они хотят понять принцип работы камня, чтобы использовать его энергию для технологий. А это, поверьте, опасно. Очень опасно.

Лев вспомнил "Сердце" в ротонде, пульсирующее синим светом, и холодок пробежал по спине.

– Мы знаем, насколько это опасно. Мы видели, что происходит, когда сила камня выходит из-под контроля.

– Именно, – кивнул Раджив. – Поэтому я предлагаю союз. Мы вместе идём к Шарме. Я представлю Вас как людей, которым камень предназначен судьбой. Шарма – человек верующий, он прислушается к знакам. Если он увидит, что вы – те самые хранители с севера, он передаст камень Вам. А я помогу убедить его.

Артём посмотрел на Льва. В глазах инженера читалась борьба – доверять ли этому аристократу с горящими глазами?

Лев, привыкший читать людей, медленно кивнул.

– Допустим, мы согласны. Но как мы объясним Шарме, что основной камень в Петербурге спит? Что мы его усыпили?

– Правдой, – просто ответил Раджив. – Вы расскажете ему, как боролись с проклятием Волкова, как спасли женщину, как усыпили дракона. Шарма поймёт. Он ждёт не воинов, а миротворцев.

На следующий день они втроём отправились в старый Дели, в район, где узкие улочки хранили тень веков. Дом Шармы оказался двухэтажным особняком с внутренним двориком, увитым бугенвиллеей. Сам хозяин встретил их на пороге – невысокий, сухощавый человек с седой бородой и глазами, которые, казалось, видели нечто за пределами обычного мира.

Он провёл их в комнату на втором этаже, где на низком столике, на шёлковой подушке, лежал тот самый осколок. Вблизи он оказался ещё удивительнее – тёмно-синий, почти чёрный, с прожилками, которые пульсировали слабым внутренним светом. Лев почувствовал знакомую вибрацию в груди – ту же, что когда-то ощущал в библиотеке, но мягче, тише.

Шарма долго смотрел на Артёма, потом на Льва.

–Раджив рассказал мне вашу историю, – сказал он наконец. – Я чувствую правду в ваших глазах. Но я должен спросить: вы готовы принять ответственность? Камень не прощает легкомыслия. Он требует служения, а не обладания.

Артём шагнул вперёд.

–Я – потомок человека, который построил клетку для камня. Мой прапрадед хотел создать архив знаний, а его творение извратили. Я несу этот долг семь поколений. Я готов служить камню, но не как раб, а как хранитель, который не даст ему причинять зло.

Шарма перевёл взгляд на Льва.

–А вы, детектив? Вы не кровный наследник. Что привело вас сюда?

Лев усмехнулся, опираясь на трость.

–Любовь. И упрямство. Я не мог оставить женщину, которую полюбил, в лапах этого кошмара. А теперь не могу оставить её с мыслью, что камень может проснуться и снова причинить боль. Я здесь, потому что это – продолжение того дела. Потому что по-другому я не умею.

Шарма долго молчал. Потом подошёл к столику, бережно взял осколок и протянул его Артёму.

–Возьмите. Он ваш. Конь Лунгта указал на север. Теперь я вижу – на север, к Вам.

Камень в руках Артёма дрогнул – или показалось? – и на мгновение вспыхнул глубже, ровнее.

– Он узнал своего, – прошептал Шарма. – Берегите его. И помните: теперь вы не просто люди. Вы – звенья в цепи, которая тянется из глубины веков. И от вас зависит, порвётся эта цепь или приведёт к чему-то великому.

Возвращение в отель

Уже в такси, по дороге в отель, Лев посмотрел на Артёма, бережно держащего шкатулку с камнем.

–Ну что, инженер, – тихо сказал он. – Кажется, мы теперь не только хранители спящего, но и пастухи проснувшегося.

Артём, не отрывая взгляда от шкатулки, ответил:

–Он не проснулся. Он просто... знает, что мы рядом. Шарма прав: это не оружие. Это что-то живое. Мы должны отвезти его домой.

За ними, в тени старого города, остался Шарма, стоящий на пороге своего дома. Он смотрел вслед удаляющемуся такси и шептал молитву на древнем санскрите. Камень ушёл на север. Время исполнилось.

А в отеле их ждал конверт от Виктора – с одним лишь словом: "Поздравляю. Игра продолжается".

Лев сжёг конверт над пепельницей и посмотрел на Артёма.

–Готовься к обратному пути. Дома нас ждёт Марина. И, кажется, теперь у нас будет чем её удивить.

Они не знали, что за ними следят. Что в аэропорту их уже ждут люди Раджива, готовые защитить камень от любой попытки перехвата. И что где-то в небе над Индией уже кружит частный самолёт Виктора, готовый к неожиданностям.

Путешествие за осколком завершилось. Но настоящее приключение только начиналось.

Глава 4.

Такси петляло по узким улочкам старого Дели, выбираясь к широким проспектам, ведущим в аэропорт. Артём сидел на заднем сиденье, прижимая к груди шкатулку с камнем, как самое дорогое, что у него было. Лев смотрел в окно на мелькающие лица, коров, велорикш – и никак не мог отделаться от ощущения, что за ними следят.

– Расслабься, – сказал Артём, заметив его напряжение. – Через три часа мы будем в самолёте. А через двенадцать – в Питере. Всё позади.

Лев покачал головой.

– Слишком гладко. Виктор не из тех, кто просто так сдаётся. И Раджив... он помог, но я до конца не уверен в его мотивах.

– Шарма сам отдал нам камень. Это был дар, а не кража. Никто не может предъявить нам претензии.

– В Индии свои законы, Артём. И свои представления о том, что такое дар.

Такси выехало на многополосное шоссе, ведущее к аэропорту имени Индиры Ганди. Впереди уже виднелись терминалы, когда машина вдруг резко затормозила. Дорогу перекрывал полицейский блокпост – три джипа с мигалками, вооружённые люди в форме.

– Проверка документов, – бросил водитель, но в его голосе послышалась тревога.

Лев инстинктивно положил руку на карман, где лежал старый детективный жетон – бесполезный здесь, но привычный жест. К такси подошёл офицер в тёмных очках, козырнул и на чистом английском попросил выйти.

– Господа, пройдите с нами. Ваши документы и багаж подлежат досмотру.

– В чём дело? – спросил Лев, выходя и стараясь выглядеть спокойным.

– Рутинная проверка, сэр. Прошу вас.

Но это была не рутинная проверка. Их отвели в сторону, к одному из джипов, где уже сидел человек в штатском – сухой, с острым взглядом, явно не простой полицейский. Он представился инспектором Сингхом (однофамилец Раджива, как отметил про себя Лев) и без лишних слов объявил:

– Господа, вы задерживаетесь до выяснения обстоятельств. Сегодня утром, примерно через час после вашего ухода, господин Шарма был найден мёртвым в своём доме. Соседи видели, как вы входили к нему. Вы – последние, кто с ним общался. Прошу сдать все вещи для досмотра, включая эту шкатулку.

Артём побелел. Его руки, сжимавшие шкатулку, задрожали, но он не отдавал её.

– Это подарок. Господин Шарма сам отдал нам это. Мы не убивали его!

– Это выяснит следствие, – холодно ответил инспектор. – А пока – шкатулку сюда.

Лев положил руку на плечо Артёма, заставляя его успокоиться, и тихо сказал:

– Отдай. Соппротивление только ухудшит дело. Мы докажем, что невиновны.

Артём с видимым усилием разжал пальцы. Шкатулка перешла в руки полицейского, который тут же унёс её в один из джипов. Лев заметил, как инспектор Сингх мельком глянул на неё – и в его взгляде мелькнуло что-то странное, похожее на... узнавание?

Их посадили в полицейскую машину и повезли не в участок, а в какое-то другое здание – судя по табличке, офис отдела по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей.

– Это подстава, – прошептал Артём, когда их ввели в пустой кабинет с решётками на окнах. – Кто-то подставил нас. Шарму убили, чтобы камень попал в руки полиции, а потом его "изъяли" и передали кому надо.

Лев кивнул. Он думал о том же. Виктор? Или Раджив, который слишком легко согласился помочь? Или третья сила, о которой они не знали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.